

Nauka.me 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Номер 1 Том . 2019

Историческая политика в современной России: сможет ли культ Великой Победы сохранить единство общества?

Ермолов Арсений Юрьевич

*старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Институт
Экономики РАН*

Российская Федерация, Москва

Аннотация

В статье рассмотрена роль, которую в исторической политике России играет память о Великой Отечественной войне, связанные с ней мероприятия и ритуалы. Эта часть фактически является центральной для исторической политики, поскольку она единственная в истории страны, которая вызывает живой отклик у общества и при этом служит его объединению, а не расколу. Это накладывает на неё особо тяжёлую нагрузку и может привести к внутренним деформациям. С точки зрения анализа состояния российского общества крайне важно отслеживать эти деформации более оперативно и точно, прибегая к социологическим опросам.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, исторический миф, национальный миф, национальное государство

Дата публикации: 01.08.2019

Ссылка для цитирования:

Ермолов А. Ю. Историческая политика в современной России: сможет ли культ Великой Победы сохранить единство общества? // Nauka.me – 2019. – Номер 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka.me/S241328880005634-1-1> (дата обращения: 18.05.2024). DOI: 10.18254/S241328880005634-1

¹ Термин «историческая политика» в России был введен в интеллектуальный оборот благодаря усилиям Алексея Миллера. Он писал о том, что «используя административные и финансовые ресурсы государства, те политические силы, которые находятся у власти, осуществляют идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти»¹. Важно, что в данном случае речь идет об обществах, декларирующих и в определенной мере соблюдающих принципы плюрализма, что делает невозможным использование методов идеологического принуждения, характерных для однопартийных диктатур коммунистической эпохи. Термин этот был впервые использован в Западной Германии в 1980-е годы по отношению к политике канцлера Г. Коля и деятельности историков М. Штюрмера и Э. Нольтке, стремившихся пересмотреть негативный образ новейшей немецкой истории, сформировавшийся в период денацификации. Эта политика встретила отпор в научном сообществе и провалилась. В дальнейшем термин историческая политика активно использовался и используется по отношению к деятельности посткоммунистических стран Восточной Европы, прежде всего Польши, но также и к Венгрии, Латвии, Эстонии, Литве, Украине.

² Как отмечает В. Молодяков, «в основе каждой исторической политики лежит базовый сюжет, зачастую приобретающий характер мифа ... Это некая ось, вокруг которой вращается или, по крайней мере, должно вращаться историческое сознание подданных и всё, что его формирует, включая преподавание истории и исторические исследования, хотя бы в той мере, в какой власть контролирует последние. Для исторической политики императорской России базовым сюжетом была династия Романовых. Для советской исторической политики, включая годы перестройки, – Ленин и Великая октябрьская социалистическая революция (с середины 1930-х до середины 1950-х годов также Сталин). Для постсоветской – Великая отечественная война с акцентом на Победе, которая, впрочем, уже со второй половины 1960-х годов играла роль базового сюжета «номер два»»².

³ Специфической особенностью исторической политики России является её сосредоточенность на Великой Отечественной войне. Я не согласен с Миллером, считающим, что историческая политика относится к тем областям, где нет исторического консенсуса³. Я считаю, что в определенных ситуациях, и далее я покажу, что в России ситуация именно такая, для исторической политики даже более важны те темы, по отношению к которым в обществе не существует расхождений, так как они создают основу для единства общества.

⁴ В России история дает слишком мало пространства, в котором общество могло бы ощутить свое единство, зато предлагает множество тем для непримиримых споров, раскалывающих общество, начиная с Ивана Грозного и заканчивая Борисом Ельциным. В силу этого темы, по которым в обществе существует консенсус, являются более дефицитным ресурсом, чем те, по которым консенсуса нет. Это обратная ситуация по отношению к той, которая существует, к примеру, в Польше. В Польше в целом сформировалось единое отношение к большей части собственной истории, и только отдельные периоды (время существования Польской Народной Республики) являлись проблемой, по

отношению к которой единства не было. Историческая политика нужна была поэтому для того, чтобы это единое отношение сформировать.

⁵ В России же таких неоднозначных тем слишком много, чтобы можно было надеяться на то, чтобы их зачистить и сформировать единое отношение к истории. Вместо этого историческая политика концентрируется там, где ещё как-то можно это единство сохранить. И здесь тема Великой Отечественной войны особенно важна, так как именно она дает наибольшую отдачу. Вокруг неё в России выстроилось явление, которое можно рассматривать как светский квазирелигиозный культ, со своими повторяющимися ритуалами и священной мифологией (в данном случае я следую подходу к функциям религиозных обрядов Э. Дюркгейма⁴, с той разницей, что Дюркгейм считал, что в современном обществе эта функция религии утратит свое значение, в то время как практика показала, что она будет замещаться). Далее я буду называть его Культom Великой Победы, чтобы отличать его от исторического события, на которое он опирается.

⁶ Сам по себе такой культ не является уникальным явлением, его элементы вполне характерны для всех обществ эпохи модерна, аналогичные культы существовали вокруг Наполеоновских войн, Первой мировой войны, Гражданской войны в США. Обряды, используемые в культе, в основном заимствованы из практики других стран, за исключением шествия «Бессмертный полк», которое является непосредственным заимствованием античных традиций (у образованного человека не могут не возникнуть ассоциации с древнеримским ритуальным шествием в масках предков⁵). Ни сам культ, ни те задачи, которые он решает, не являются уникальным явлением. Уникальна только та сверхвысокая нагрузка, которая падает на культ в нашей стране. В других странах их варианты культа выполняют вспомогательную, а не основную функцию.

⁷ Какие задачи решает Культ Великой Победы? В первую очередь это средство достижения единства общества. Говоря о единстве, я имею в виду не некий тоталитарно-утопический идеал, а только лишь представление граждан государства о том, что они часть некоей общности со своей исторической судьбой. Хотя Россия не является национальным государством, ей тоже необходимо характерное для них представление о себе как «монолитном сообществе, неуклонно движущемся в глубь (или из глубины) истории»⁶. Без такого представления у своих граждан не обходится ни одно государство. То, что происходит, когда это представление разрушается, мы могли наблюдать в 1980-90-е годы.

⁸ Кроме того, не стоит забывать о другом важном аспекте. Политические элиты, участвуя в культе, получают через него свою легитимацию. Таким образом, культ служит источником оправдания власти. Хотя это не единственное и не главное средство легитимации политической элиты, но именно этим в первую очередь объясняется его ценность для неё. Править Россией – это среди прочего ещё и принимать парад 9 мая. Этот парад важное символическое повторяющееся действие, которое стало частью не только механизма консолидации общества, но и символических ритуалов воспроизводства власти⁷. Новые традиции тоже служат этой цели. Сегодня уже можно сказать, что быть президентом России означает не

только принимать парад 9 мая, но и возглавлять шествие «Бессмертный полк». Хотя надо отметить, что в истории Российской Федерации был период, когда власть утратила контроль над этим ресурсом, и защита исторической памяти о Великой Отечественной войне была сначала монополией левой оппозиции, а затем некоторое время за этот ресурс велась позиционная борьба. В Москве шествие и митинг, организуемые КПРФ, конкурировали с проводимыми в это же время мероприятиями, организованными властью. Но эта борьба закончилась в конечном итоге победой власти над оппозицией, и сейчас этот ценный ресурс уже не является предметом борьбы за обладание.

⁹ Попытки использовать в этом качестве другие темы российской истории неоднократно предпринимались. С этой точки зрения показательное введение нового праздника, Дня народного единства. Уже в самом названии видно, какова главная цель исторической политики в России. Кроме того, этот шаг интересен ещё и с точки зрения использования «политики забывания», поскольку его целью было ликвидировать укоренившуюся в народе традицию отмечать 7 ноября. И если с точки зрения «политики забывания» День народного единства оказался успешен, 7 ноября действительно перестало отмечаться как национальный праздник, то другую задачу, создание нового национального праздника, обеспечивающего единство народа, решить таким способом не удалось. Ничего похожего на действительно общенародный праздник 9 мая за 14 лет попыток так и не возникло. События XVII века оказались слишком далеки, чтобы занять значимое место в исторической памяти народа, и актуализировать их не удалось. Другой пример – празднование 200-летия войны 1812 года, было попыткой восстановления существовавшего когда-то Культа Победы над Наполеоном. Масштабы проведенных в связи с этим мероприятий впечатляли, но спустя шесть лет о них уже почти никто не помнит.

¹⁰ Эти примеры показывают, что в истории России нет других эпизодов, кроме Великой Отечественной войны, вокруг которых можно было бы построить культ, объединяющий народ. Вложения в альтернативные проекты значительно уступают по своей эффективности, кроме того, есть уже эффект накопленной инерции, который нельзя не учитывать. Историческая политика должна считаться с общественными настроениями в обществе, которое вовсе не представляет собой чистого листа, на котором управляющая элита может писать все, что угодно. Ей нужно считаться с представлениями о значимом и не значимом, которые уже существуют в обществе, которые если и поддаются корректировке, то лишь в определенной степени.

¹¹ Таким образом, история России не дает и не может предложить никакой альтернативы Культуре Великой Победы. Другие темы либо не в состоянии вызвать у граждан столь же сильной эмоциональной реакции, либо вызывают её, но за счет того, что являются территорией конфликта. Такие конфликтные темы историческая политика в Российской Федерации старается задвинуть из пространства общественного обсуждения подальше. Яркий пример – отношение к 100-летию революции 1917 года. Событие это для нашей истории ничуть не менее важное, чем война 1812 года или Великая Отечественная война. Но внимание и средства, выделенные на отмечание этого юбилея, 200-летия войны 1812 года и празднования 70-летия Сталинградской битвы, просто несопоставимы. Более того,

складывается впечатление, что за рубежом 100-летию революции в России уделили больше внимания, чем в самой России. Здесь налицо ещё один пример политики забывания.

¹² Другой причиной важности Культа Великой Победы является крайний недостаток факторов, объединяющих народы России в единое целое. Великие события прошлого в большей степени разъединяют общество, чем соединяют его. Объединяющего образа будущего в посткоммунистической России так и не возникло. Внутри гражданского общества не нашлось интеллектуальных сил, способных предложить такой футуристический проект, который нашел бы широкую общественную поддержку. Что же касается государства, то правящая элита, узнав о понятии «образа будущего», смогла предъявить обществу только такой его вариант, который фактически выглядит как возвращение к тому, что было до 2014 или даже 2008 года, и дальше вечное существование в нем. Но возврат в 2007 год прежде всего не возможен практически (ирония в том, что построить коммунизм было бы легче), а кроме того это не такая уж притягательная идея для основной массы населения страны.

¹³ В других восточноевропейских странах объединяющей идеей стало построение государства-нации, и этот подход действительно дал результаты. В России по этому пути не пошли, в первую очередь потому, что в полиэтничном государстве национализм восточноевропейского типа был бы разрушительным. С другой стороны, западноевропейский гражданский национализм неприемлем для политической элиты, поскольку хотя бы на декларативном уровне предполагает, что хозяином государства является народ. В целом представляется, что момент, когда в России в её нынешних границах можно было начать построение национального государства, уже упущен. Исторически по этому пути не пошли ни Российская империя, ни СССР. Россия не только полиэтничное, но и многоконфессиональное государство, что ослабляет возможное объединяющее воздействие со стороны Православной церкви. Неудачей закончились и тридцатилетние поиски некоей национальной идеи, которая должна была выступить толи в роли суррогата коммунистической идеологии, толи в качестве заменителя национального государства. Определенный объединяющий потенциал есть у русской культуры⁸, но в условиях глобализации она неизбежно теряет реальные позиции, уступая интернациональной массовой культуре.

¹⁴ Сильным фактором, способным до недавнего времени повлиять на единство общества России, были исключительно высокие авторитет и популярность лидера государства. Фактически это была вторая скрепа, на которой держалось единство российского общества. Но события 2018 года разрушили прежнюю популярность президента. Разумеется, новый рейтинг по мировым меркам тоже достаточно высок, многие политики с таким и даже меньшим рейтингом живут активной политической жизнью. Но прежние функции объединения общества этот рейтинг выполнять уже не может.

¹⁵ Таким образом, Культ Великой Победы не просто центральная часть исторической мифологии, объединяющей российское общество, это ключевой фактор сохранения российского общества вообще. Такая ситуация представляется крайне опасной. Нагрузка, которую будет теперь нести Культ Великой Победы,

может оказаться слишком велика. Вполне вероятно, что такая нагрузка будет вызывать внутреннюю деформацию. Эта внутренняя деформация может принять форму недовольства излишним давлением на общество со стороны власти. И это недовольство будет выглядеть оправданным, поскольку власть, правильно понимая значение Культа, скорее всего будет склонна к чрезмерному давлению для вовлечения в его мероприятия населения. Дальше это недовольство может принять уже форму открытого недовольства культом как таковым.

¹⁶ Свою роль может сыграть и возможное использование памяти о войне как прикрытия для новых непопулярных мер власти (тогда терпели лишения и победили, теперь тоже будем терпеть ради победы). Пока власти благоразумно воздерживаются от такого хищнического использования политического ресурса Культа Великой Победы, но рост социальной напряженности может сделать соблазн непреодолимым.

¹⁷ Следует отметить, что обсуждение политической роли Культа Великой Победы в значительной степени табуировано в российском обществе, и сам разговор о нем неизбежно приобретает оттенок фрондерства. Это ставит его потенциальных защитников в слабое положение. Чтобы эффективно что-то защищать, нужно понимать, что ты защищаешь.

¹⁸ Важной составной частью культа является мифология, которая приобрела священный, неприкосновенный статус. В её основе глубоко гуманистическое понимание войны как подвига простого человека. Но корнями своими она уходит в пропаганду военного времени, и в силу этого она уязвима. Эту уязвимость показывает дискуссия о том, имел ли место в действительности подвиг 28 героев-панфиловцев, в которой по разные стороны баррикад оказались академик Г.А. Куманев и автор ряда широко известных трудов по истории войны А.В. Исаев, министр культуры В.Р. Мединский и директор ГАРФ С.В. Мироненко. Дискуссия была начата заявлением Мироненко на всемирном конгрессе русской прессы в Москве 11 июня 2015 года. В качестве доказательства Мироненко использовал материалы расследования, проведенного в послевоенный период Главной Военной прокуратурой СССР. Этот пример показывает, что основы мифологии могут быть атакованы и разрушены на уровне непосредственных фактов, что породит трещины через все здание.

¹⁹ Потенциальная опасность исходит от слишком тесной связи Великой Отечественной войны как исторического события с фигурой И.В. Сталина. Эта связь не позволяет полностью зачистить Культ Великой победы от этого персонажа. Попытки сделать это в советское время, когда имя Сталина вычеркивалось из исторических трудов и заменялось на политически корректные термины Ставка и ГКО, закончились неудачей, несмотря на монополию государственной пропаганды. Сейчас, когда такой монополии нет, рассчитывать на успешное вытеснение Сталина из мифа тем более невозможно. Но фигура Сталина означает выход из пространства общественного согласия и переход в область дискуссий и споров, причем дискуссий и споров крайне ожесточенных, разделяющих общество на непримиримые части. Поэтому потенциально эффективной стратегией борьбы с культом может быть максимальное втягивание в него фигуры Сталина, сопровождающееся всё более ожесточенной дискуссией о

его роли в войне и в истории в целом. В работе на этот сценарий могут парадоксальным образом объединиться представители крайних лагерей: и либеральная оппозиция, и радикальные коммунисты-сталинисты. Для тех и других это будет шанс восстановить утраченные ранее позиции в обществе, но для самого общества очередное развертывание такой дискуссии будет иметь плачевные последствия: базовый сюжет исторического мифа даст трещину.

²⁰ Опыт 1990-х годов показывает, что обвинения Сталина, ведущаяся зачастую в огульном стиле, может легко сдвигаться по линии критика Сталина – критика сталинского режима – критика советского государства и его армии – обесценивание победы в Великой Отечественной войне. Этот сдвиг облегчает и то, что начиная с доклада Н.С. Хрущева XX съезду в этой критике содержался значительный элемент домыслов и вымыслов, и такой методологией, прикрытой благородной целью обличения тирана, можно доказать что угодно. Двадцать лет назад Культ Великой Победы выдержал этот удар, но тогда обстановка в обществе была иной. Дело в том, что тогда уважение к памяти о Великой Отечественной войне было не идентификатором лояльности, а, напротив, проявлением оппозиционности. Наступление на культ воспринималось как часть государственной пропаганды. Недовольство властью, недовольство социально-экономическим положением, неудовлетворенность режимом «управляемой демократии» сочетались с поддержкой культа, воспринимавшегося как правильное проявление патриотизма. В последующие годы власть успешно перехватила у левой оппозиции контроль над культом, и теперь она успешно пользуется им для собственной легитимации. Это значит, что теперь рост недовольства и оппозиционных настроений в обществе и наступление на культ будут однонаправленными процессами.

²¹ С другой стороны, Культ Великой Победы является фактором уязвимости в Новой Холодной войне, ведущейся против России. Его роль очень хорошо понимают за рубежом, особенно в странах Восточной Европы, где историческая политика и связанное с ней мифотворчество процветают. Это понимание чувствительности (а, значит, уязвимости) в этой области уже неоднократно использовалось зарубежными политиками для выпадов против России, таких, например, как провокационное заявление польского министра иностранных дел Гжегожа Схетыны о том, что Освенцим освобождали украинские солдаты. Таким образом, избыточное давление на Культ Великой Победы будет идти и изнутри, и снаружи.

²² Поскольку Культ приобрел такую важную роль, отслеживание его влияние в обществе имеет сейчас не меньшее, а даже большее значение, чем отслеживание рейтинга доверия президента. Рейтинг президента может теперь опускаться или подниматься, но объединяющим фактором фигура Путина уже не будет. Теперь именно готовность россиян поддерживать Культ Великой Победы является самым показательным барометром общественных настроений. К сожалению, традиционно опросы на тему отношения россиян к Великой Отечественной войне проводятся только в майские праздники.

²³ Ежегодно такие опросы проводятся в конце апреля Левада-центром. В 2018 году опрошено было 1600 человек от 18 лет и старше среди городского и

сельского населения в 52 субъектах Российской Федерации⁹. Два из заданных вопросов можно считать показывающими отношение россиян к Культуре Великой Победы: Собираетесь ли вы праздновать в этом году День Победы? Собираетесь ли вы смотреть телетрансляцию Парада Победы в Москве? В какой-то мере полезен может быть и вопрос: Как вы думаете, мог бы Советский Союз победить фашистскую Германию без помощи союзников или нет? Он показывает ситуацию на одном из потенциально опасных направлений обесценивания значения Победы. Другие вопросы, к сожалению, отношение к Культуре Великой Победы не проясняют, хотя, казалось бы, должны были. Особенно расстраивает то, как поступили организаторы опроса с вопросом: Какие чувства вызывает у вас День Победы? Казалось бы, он мог бы стать основным показателем отношения к культуре. Но фактически все предложенные варианты ответа укладываются в допустимые в рамках культуры эмоциональные реакции. Это либо радость в связи с тем, что наша страна одержала победу в великой войне, либо скорбь по поводу миллионов погибших в этой войне, либо и то, и другое одновременно. В вариантах ответа нет негативистских по отношению к празднованию реакций, и это не позволяет фиксировать деформационный эффект, о котором я писал выше.

²⁴ Сейчас крайне важно будет сопоставить новый опрос Левада-центра с опросом, проводившимся им в 2018 году, чтобы увидеть, проявилась ли уже какая-то новая динамика? В дальнейшем было бы очень полезным, если бы такие опросы проводились чаще, а опросник был скорректирован, чтобы лучше отражать негативные по отношению к празднованию реакции.

Примечания:

1. Миллер А.И. Россия: Власть и история//Pro et contra. № 3-4. 2009. С. 10.
2. Молодяков В. Историческая политика и политика памяти// Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 925.
3. Миллер А.И. Россия: Власть и история//Pro et contra. № 3-4. 2009. С. 10.
4. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
5. Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима. СПб: Летний сад, 2000. С. 205.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. С. 75.
7. Хамрина Ю.А. Воспроизводство социального посредством ритуала // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 61.
8. Косорукова М. И. Культурное наследие России как ресурс ее возрождения и развития // Наука и школа. 2013. № 6. С.
9. Левада-Центр [Электронный ресурс] - URL: [>>>>](#) (дата обращения 27.03.2019)

Библиография:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
2. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.

3. Историческая политика в XXI веке: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение. 2012.
4. Косорукова М. И. Культурное наследие России как ресурс ее возрождения и развития // Наука и школа. 2013. № 6.
5. Левада-Центр [Электронный ресурс] - URL:
<https://www.levada.ru/2018/05/08/den-pobedy-2/> (дата обращения 27.03.2019)
6. Миллер А.И. Россия: Власть и история//Pro et contra. 2009. № 3-4.
7. Молодяков В. Историческая политика и политика памяти // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М.: АИРО-XXI, 2013.
8. Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. Спб: Летний сад, 2000.
9. Хамрина Ю.А. Воспроизводство социального посредством ритуала // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353.

HISTORICAL POLICY IN MODERN RUSSIA: WILL THE CULT OF THE GREAT VICTORY BE ABLE TO KEEP THE UNITY OF THE SOCIETY?

Arseny Ermolov

*Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article considers the role in memory of the Great Patriotic War in Russia's historical policy, related events and rituals. This part is actually central to the historical policy, since it is the only one in the history of the country that causes a lively response from society and at the same time serves to unite it and not divide it. This imposes a particularly heavy load on it and can lead to internal deformations that can further cause dangerous consequences. In order to analyze the state of Russian society, it is extremely important to track these deformations more quickly and accurately using public opinion polls.

Keywords: historical policy, memory policy, historical myth, national myth, national state

Publication date: 01.08.2019

Citation link:

Ermolov A. HISTORICAL POLICY IN MODERN RUSSIA: WILL THE CULT OF THE GREAT VICTORY BE ABLE TO KEEP THE UNITY OF THE SOCIETY? // Nauka.me – 2019. – Issue 1 [Electronic resource]. URL: <https://nauka.me/S241328880005634-1-1> (circulation date: 18.05.2024). DOI: 10.18254/S241328880005634-1